

The image features three figures wrapped in dark, cracked, mummy-like material. They are positioned in a dark, textured environment. The figure on the left is standing and looking towards the camera. The figure in the middle is leaning forward, and the figure on the right is bent over, looking down. The overall mood is somber and mysterious.

Максэль Вокк

ЖЕЛЧЬ

Максэль Вокк

Желчь

«Буквально»

2019

Вокк М.

Желчь / М. Вокк — «Буквально», 2019

ISBN 978-5-9965-0257-8

Егор, молодой парень, только закончивший юридический институт, направлен на стажировку в отдел полиции к старшему следователю со странным прозвищем – Пироз. По поручению начальника, дабы не мешаться тому под ногами, разгребает старые дела, запутанные и безнадежно пылившиеся на полке в «висяках». Пироз с изумлением слушает, как молодой детектив, с маниакальной педантичностью, раскрывает детали жестоких, своей изощренностью, убийств – справедливых, но незаконных наказаний жертв. Клубок распутывается, и вот уже когда ниточки ведут к мстителю, неожиданно для всех он запутывается с другой стороны...

ISBN 978-5-9965-0257-8

© Вокк М., 2019
© Буквально, 2019

Содержание

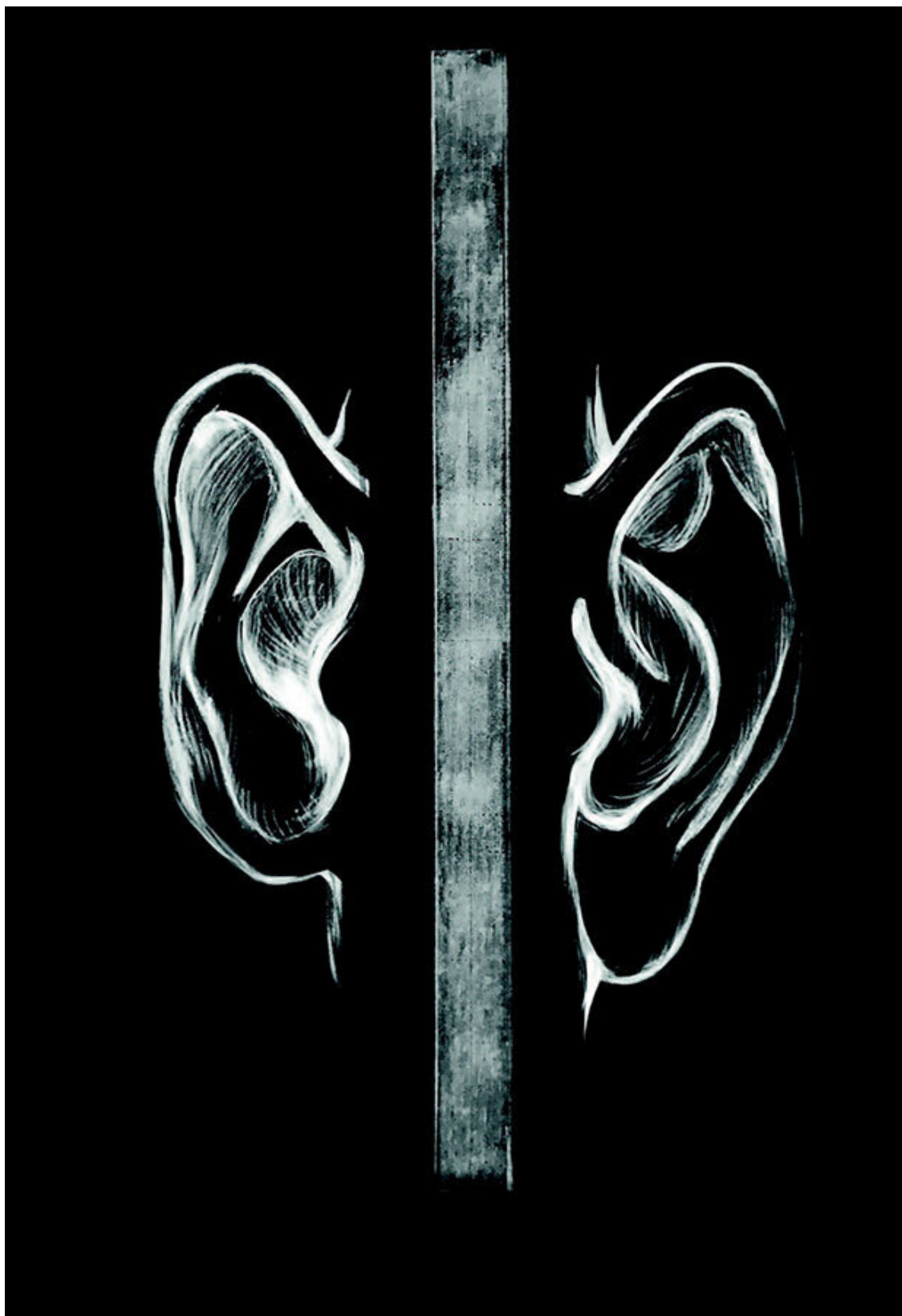
Часть 1	6
Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Максэль Вокк

Желчь

Особая благодарность Вязовцеву Антону Валерьевичу за помощь в создании иллюстраций.

Часть 1 Пироз

Предисловие

– Егор, скажи, что виноват, и дело закрыто! – Следователь сидел сложа руки, прожигая взглядом человека с лисьей ухмылкой, – Ты думаешь, я просто так взял тебя к себе в помощники.

– Петя, а ты не забыл, кто тебя спас на стройплощадке, когда ты упал с опоры? – Обвиняемый говорил очень уверенно, чувствуя за собой правду.

– Хорош меня уговаривать, ты виноват, признай это!

– Они сами виноваты, и ты сам таких же губишь, ты и сам убийца...

Глава 1

Свидетель

– Так что вы видели в тот момент? – Следователь, задающий вопросы, сидел полуразвернувшись к свидетелю совершенно непонятного происшествия, случившегося на одном из проспектов столицы России.

– Сложно, конечно, сказать, потому что шел сильный дождь, даже номер впереди стоящей машины был плохо различим... – Свидетель говорил не торопясь, словно копаясь в обрывках воспоминаний, и, восстанавливая картину случившегося, описывал ее.

– И все же... Вы позвонили в полицию не просто так, а по причине какого-то беспокойства.

– Э-э-э, да! Та машина ехала передо мной, а заливающий все вокруг мощный дождь словно стеной отделял машины в той дурацкой пробке, которая образовалась, скорее всего, из-за него же.

– И-и-и...

– Дождь, подсвеченный красным светом фар, слегка скрыл очертания человека, который вылез из той машины и ушел вперед, пока автомобильная пробка стояла... потом раздался хлопок, который, как мне кажется, совпал с раскатом грома...

– Так из какой машины вышел человек?

– Из той, которая ехала передо мной... Потом этот человек сел обратно в свою машину и, перестроившись, покинул это место...

– Вы же сказали, там была пробка?

– Да, но время от времени полосы двигались.

– А вы остались стоять в этой полосе?

– Постоял какое-то время, и когда понял, что все полосы хоть чуть-чуть, но двигаются, а эта стоит, тоже перестроился.

– Хорошо, что было дальше?

– Та полоса, в которой я был, стояла из-за черной дорогой иномарки... Непонятно, почему она не ехала.

– В салоне кого-нибудь видели?

– Автомобиль был полностью тонирован, ничего сказать не могу.

– Если честно, то складывается впечатление, что вы что-то недоговариваете.

– Видите ли, после того, как я узнал, что там произошло убийство, я постоянно думаю о том событии и пытаюсь сложить все в общую картину, отследить ход событий от его начала до момента убийства.

– Вы не следственный комитет, от вас требуется лишь подробная информация.

– Я сам вправе решать, что делать.

– Какие действия были предприняты с вашей стороны?

– Я просмотрел запись со своего видеорегистратора полностью с момента въезда на эту дорогу, и скажу вам следующее: эта черная иномарка себя вела нагло и вовсе не адекватно. Она меня подрезала, мне даже пришлось применить экстренное торможение, но я всегда очень спокоен и меня трудно вывести из себя, я продолжил движение за ней, наблюдая за этим хулиганством. В это время очень шустро развернулся проливной дождь, и в мою полосу перестроилась машина, номера которой были не видны. Также я просмотрел камеры видеонаблюдения, что тоже ничего мне не дало: от автомобиля, который перестроился в мою полосу, на видео осталось лишь серое пятно. Таких серых пятен на дороге было огромное количество, вперемешку с другими цветами они двигались, словно фигурки в тетрисе, а порой и вообще ничего не было видно из-за силы дождя.

– А вы пытались отследить его до происшествия?

– Так я об этом и говорю, начался сильный дождь, он шел на протяжении десяти минут, и весь транспорт так замешкался, так переплелся, что было непонятно, откуда он взялся и куда он уехал.

– Мы к настоящему моменту тоже изучили все записи, осталось сделать заключение... Вы можете быть свободны, спасибо за содействие. И вот еще, ваша машина ведь тоже серого цвета?

– Да, а что?

– Сбор информации, не более...

Следователь остался сидеть в своем кабинете с очень плохим освещением, куда даже свет дня не проникал, видимо, из-за упавших прямо на окно веток; здесь также отдавало холодом и сыростью. Условия, как можно подумать, не очень хорошие, но следователь по прозвищу Пироз мог пожаловаться только на маленький рабочий стол, который имел хоть и стандартные размеры, но был завален так, словно на него сгрузился небольшой грузовик. Количество дел, взгроможденных на него, зашкаливало, но, что самое интересное, большая часть этих дел были закрыты и просто существовали на столе в виде неотъемлемого реквизита, а стеллажи в это время пребывали в разгруженном состоянии.

Пироз получил свое прозвище несколько лет назад, когда вел странное дело, связанное с убийством врача. Дело так и не было раскрыто, поскольку было хорошо спланировано убийцей, зато окружение, имевшее дело со следователем, ощутило явную изжогу от общения. Следователя звали Шесма Петр Васильевич, он не носил форму, а был одет в отнюдь не модную, но всегда чистую одежду. На его левом ухе отсутствовала мочка, он об этом вообще не любил разговаривать, и в ответ на вопросы всегда грубо и немногословно говорил: «Отморозил». Он не считался лучшим, руководство его ценило больше за доведение дел до конца – даже дела, которые были заброшены в дальний ящик, в конечном итоге приобретали заверченный вид, поскольку Василич по-другому не мог. Его худощавость при довольно высоком росте выглядела слегка нелепо, что, скорее всего, сказалось на его одиночестве, хотя причина была только в нем, и это – нежелание быть привязанным к кому-либо. Максимум общения у него был с матерью, которой он делал еженедельный отчет о своей жизни, потому как родственников у него больше не было. Пироз нисколько не ценил комфорт или роскошь, его мало что интересовало вообще, он жил тем, что есть, и ни к чему особо не стремился.

– Убийство в пробке. – Он стоял у окна, смотрел на склонившиеся и упирающиеся в окно, будто готовые его выдавить ветки дерева, и бормотал, ковыряя надломленный ноготь. – Это точно была месть, потому как не похоже на преднамеренное или подготовленное убийство.

Пироз отвернулся от окна, хотел пройти к своему столу, но тут же присел на выпирающую из-под подоконника батарею, холод которой сразу пробежал по всему телу.

– Но месть за что? За то, что человеку не понравилась чья-то агрессивная езда? Или не то чтобы езда, а поведение и дальнейшая безнаказанность... – Подняв голову вверх, смотря на потолок грязно-белого цвета с расплзающимися трещинами и волнующейся от сквозняка паутиной, добавил: – Правильности, значит, хочет.

Петр Васильевич подошел к своему столу и достал из-под бумаг мобильный телефон.

– Миха, здорово!

– Ага, привет! Тут удар мощным электрошокером в область сердца... – Михаил, как обычно, недоговорил, потому как Василич услышал что требуется, и стандартно бросил трубку. – Задолбал, вот же человек.

Петр достал толстый, замученный жизнью блокнот, умело пролистал до нужного места:

– 2014 – убийство полицейского, 2015 – убийство школьника и, в этот же год, продавца хозтоваров, в 2016 – убийство таксиста и врача, далее было затишье, и вот сейчас ты опять вышел. Ты работаешь по какому-то принципу, твоя идея проста, скорее всего, ты плохо вос-

принимает грубость по отношению к себе. – Собрав вещи, Василич направился в морг осмотреть труп.

Добравшись до морга достаточно быстро, он постоял на улице рядом с входом – этакий ритуал или просто боязнь данного заведения – и, харкнув в сторону от крыльца, зашел внутрь.

– Василич, ты как обычно...

– Миша, давай посмотрим тело, а потом будешь болтать.

– Капец, ты хоть раз бы приехал и сказал: «Давай бухнем!» – но нет, от тебя не дожидаться такого! – Болтающего Михаила Петр тащил в комнату с трупом, никак не показывая дискомфорта от пребывания здесь, причем тащил, не прилагая никаких физических усилий, а только быстро шагая в нужном направлении.

– Давай, давай, открывай двери быстрее, мне некогда.

– Вот ты всегда так, – Миша щелкнул пропуском по пропускному устройству и с предупреждающим звуком распахнул дверь, в проем которой сразу залетел Петр.

– Какой мой?

– Такой быстрый ты, а вот догадайся? – После этой фразы Михаил получил резкий, но несильный удар под дых.

– Ты мне надоел, честно. – Василич после сделанного удара прошел вглубь комнаты и принялся скидывать простынки с лежавших на каталках тел.

– Псих, блин, в натуре, от тебя только изжога может быть. – С трудом разогнувшись, он подбежал к нужному телу. – Вот он, смотри.

Петр Васильевич быстрым взглядом окинул тело, достал телефон и, сделав пару-тройку фотографий, тут же его убрал, направившись к выходу.

– Ладно тебе, стой! Тут у него повреждений других нет, только этот след от шокера, и разряд точно был сильным, вокруг места удара полопались капилляры, прорисовался некий рисунок. – Михаил видел, что следователю абсолютно все равно и он просто уходит. – Ну и вали, Пироз чертов.

Напоследок он махнул Василичу в дорогу рукой.

Выйдя на улицу, Петр прижался к стене спиной и, словно задыхаясь, ловил воздух ртом. Восстановив дыхание и зажмурив с силой глаза, он с треском покачал головой и опять вошел в морг. Михаил, снова увидев Василича, сначала подумывал что-то сказать, но, уже просто не предполагая, что он еще может выкинуть, остался просто нервно смотреть.

– Василич, это самое, я не со зла тебе это сказал...

– Скажи мне, пассажир, который ехал вот с этим. – Он кивнул в сторону трупа. – Его куда перевели? И смотрел ли ты его?

– Фу-у-у, блин. – Мише стало даже легче. – Ты про это спросить пришел, я уж подумал... – Тут же сменив тему, он продолжил:

– Их нашли без сознания, чуть не завернули обоих в мешок, уж потом поняли, что пассажир плохонький, но живой. Я на месте их осмотрел, электрошоком получили оба, но разряды были разные.

– Хочешь сказать, что человек, который совершил это преступление, заведомо знал, что не убьет пассажира?

– Он утром пришел в себя, можно будет лично спросить.

– Отлично.

– Это, Петруха, не обижайся.

Петр стандартно покинул здание морга, сел в машину, харкнул на асфальт и закрыл дверь, немного поразмыслив, завел двигатель и уехал.

– Вот человек, ни здрасте, ни до свидания, ни спасибо, – бурчал, глядя в окно, Михаил.

* * *

Добравшись до больницы, Петр зашел внутрь. Проходя по коридорам, он осматривался, словно переживал, что его заметят. Подойдя к нужной палате, еще раз осмотрелся и вошел.

– Спит, значит... и никого нет... а условия-то какие хорошие... – Приблизившись вплотную к койке, он неспешно уселся. – Сережа, просыпайся, это товарищ полицейский к тебе пришел, не желаешь поговорить? Сережа, друг мой!

Петр, похлопав его по плечу, добился желаемого.

– О! Что? Что? Кто ты такой? Чего тебе надо? – бешено бросал вопросы в полицейского потерпевший.

– Я твой защитник, – Пироз говорил с ним очень мягко. – Сережик, расскажи, что случилось, и тогда я смогу тебе помочь?

– Да я... Да я вас всех... Ты чего вообще так со мной базаришь? Слышь, псих, ты вообще первый сядешь! – потерпевший, словно не зная манер общения, кидался различными фразами угрожающей тематики.

– Я тебя прекрасно понял, и прости меня, пожалуйста, за то, что перебиваю, потому как ну очень хочу сказать сейчас я, а то ведь ты разговаривать можешь без конца, – влез в словесную перестрелку Петр. – Как ты думаешь, вот пока я сюда шел прямо без халата, много ли раз меня остановили?

– Дядя, идите дальше...

– Дядя старше тебя на шесть лет, ну да ладно. Меня никто не остановил, и никто не знает, что в твоей люкс-палате кто-то есть.

– И что? Ты меня пугаешь, что ли, пес мусорской?

– Зачем же мне тебя пугать, Сережик? Я тебя защищать пришел, просто как-то переживаю, а вдруг тот, кто на вас напал, узнает или уже знает, что ты живой, и захочет тебя...

– Мужик, давай к делу! Чего, куда и все такое, ок?

– Сережа, ты видел или, может быть, знаешь, кто на вас напал?

– Ты чего прикальываешься? Он бы уже не жил!

– Понятно, тогда, может, расскажешь, как все произошло?

– Чего там говорить? Мы перли как обычно с кентом, тут дождь, короче, в пробень уперлись, а тут этот трансформатор подкрался, и все.

– Лицо видел?

– Неа, в капюшоне был, сказал: «Ненавижу вас, твари»...

– Больше ничего не было?

– Кент снимал дождь на тел как раз в тот момент, когда этот подскочил.

Петр, как обычно, быстро собрался и ушел, ничего не сказав.

– Хрена дебилы работают. Блин, он вообще отморозок, – удивлялся Сергей.

* * *

Следователь шел по коридору больницы, слушая гудки в своем телефоне.

– Ну давай, возьми трубку, давай.

– Алло.

– Вскрыли?

– Да.

– По закрытой сетке скинь мне, а телефон в упаковку и на склад вещдоков.

– Понял. Кстати, чужих отпечатков на ручке автомобиля нет.

– Ясно. – Василич почесал затылок и убрал телефон в карман.

Через час он уже сидел в своем кабинете и потягивал воду из стакана с отколотым краем, рассуждая на тему одиночества: «Взять, что ли, в помощники кого, пусть хоть полы в кабинете моют и чай наливают. И, вообще, хочется уволиться, надоела эта работа с утра до ночи, никакой личной жизни». Его думы были прерваны стуком в дверь.

– Войдите.

– Петр Василич, тут приказы различные, нужно с ними ознакомиться.

– Ух ты, Егор, заходи, – сказал следователь, смущая скромного молодого человека. – А ты все так же подай-принеси?

– Я, ну так это...

– Ладно, спокойно! – Видя, как молодой человек нервно глотает слюну, Петр решил его успокоить. – Я решил тебя взять к себе в помощники, тем более, практику ты уже прошел. – Петр говорил с легкой издевкой.

– Так я работаю больше четырех лет тут, практику давно прошел.

– Ого, думал, все еще на практике, а так бы сразу позвал, парень-то ты видный! – Егор не знал, как реагировать на эти слова, поэтому просто улыбнулся. – Короче, беги в кадры, я уже всех предупредил, напишешь заявку, и завтра ко мне, и давай без формы.

– Понял, Петр Васильевич. – Егор закрыл за собой дверь, а тем временем Василич обзвонил всех и сообщил, что берет его к себе помощником. Сделать это было достаточно сложно, поскольку доверено было лишь переносить бумаги, не более.

* * *

Наступивший день был слишком ветреным, поэтому Петр, не желая куда-либо выезжать, решил остаться в кабинете и дать некую поверхностную информацию новичку по имени Егор, за которым он уже час наблюдал. Удивление действиями Егора отражалось на лице Василича – тот вначале не знал, куда деть пакет, с которым пришел, перекладывая его с места на место, потом что-то ронял, зацепляясь за предметы.

– Егор.

– А?

– Егор, сядь на стул!

– Ага.

– Ты давай соберись, чего расклеился?!

– Да просто не в своей тарелке, как-то неудобно...

– Не парься, сегодня ночуешь здесь, так привыкнешь. Кстати, спать будешь на той лавке в углу, стол мой!

– Понял.

– Вот и хорошо. Теперь ближе к делу.

– Я готов!

– Видишь, как много всяких дел, тебе нужно их изучить. Раскрытые дела можешь сразу убрать куда тебе будет удобно, а лучше сдать в архив.

– Понял.

– Самое главное, вникни в дела с головой и представь, как это могло произойти, что сподвигло людей на преступление, не торопись, будь собранным, выписывай что считаешь нужным, обязательно бери с собой еду, и побольше, отвлекаться нельзя. Я буду уезжать, ты будешь оставаться за главного, ни с кем можешь не разговаривать, при этом все у всех спрашивать, телефоны всяких там спецов найдешь на том листочке.

– Ага, понял! Но мне не понятно: в чем же моя помощь?

– Самая что ни на есть лучшая помощь! Ты каждое дело посмотришь свежим взглядом, мне хочется, чтоб ты нашел в них что-то новое!

– Петр Васильевич, я как-то не уверен, ведь я занимался только бумагами, не более... – Егор сидел с очень потерянным видом, глядя на папки с делами, образовавшие кучу.

– Егор, соберись, я не заставляю тебя грызть эти бумаги, изучай так, как тебе это будет удобно, ведь если ты это будешь делать только из-за того, что я тебе сказал, у тебя ничего не получится! Знай, любая работа должна быть в удовольствие, а если это не так, результат будет неважным! – Во время диалога Петр наблюдал за новым человеком в его команде. Он находил его несобранным, но при этом старательным, постоянно записывающим что-то в блокнот.

– Я не знаю, с чего начинать, тут очень много...

– Давай сделаем так: ты возьмешь тот пустой стеллаж, сгрузишь на него раскрытые дела и про них забудешь, а нераскрытые расставишь по годам в том угловом шкафу. – Держа руки в карманах, Василич показывал взглядом, куда что расставлять.

Тяжело вздохнув, Егор кивнул и подошел к столу с делами.

– Ужас, сколько бумаги тратится...

* * *

Дверь кабинета хлопнула, и это ослабило внутреннее напряжение младшего следователя, но в то же время приковала его к разбору материалов. Особого желания заниматься этим Егор не испытывал, ведь его прежняя работа не была такой насыщенной – там ему приходилось просто сидеть и лишь иногда разносить бумаги по кабинетам.

Собравшись с силами, он все же принялся расставлять дела.

– Тук-тук! Можно?

– Вы уже зашли, так проходите!

– Егор, где Пироз?

– Ушел куда-то и не сказал куда...

– Хрена тебе повезло, он вообще ни с кем не работает!

– Ну не знаю, он тут столько дел дал.

– Ха-а-а, похоже, задолбался сам все разгребать, так тебя подтянул, – осматривая кабинет и смотря, как суетится Егор, полицейский розыскной группы продолжал беседу. – Блин, у него вообще тут бардак, стремный кабинетик.

Егор, ничего не ответив, все так же быстро ходил от стола к стеллажу.

– Ладно, бывай!

– Ага.

* * *

К вечеру, разобрав стол, загрузив стеллаж раскрытыми делами и упорядочив нераскрытые по годам, Егор решил ставить в шкаф в углу только те дела, с которыми лично ознакомится.

– Итак, одну задачу выполнил, зачту одно дело и закончу на сегодня! – Он сидел полулежа в капитанском кресле его непосредственного начальника, которое представляло собой качающийся скрипучий стул со спинкой. Взяв в руки дело и принявшись читать, Егор начал зевать, но в итоге быстро закончил чтение и лег на ту самую лавку, на которую указал Василич.

* * *

Утро.

– Привет, солдат!

Сонный, слегка испуганный Егор, вскочив на ноги и протирая глаза, почему-то пытался оправдаться.

– Я чуть-чуть задремал, умаялся чего-то, не знаю даже как...

– Егорка, да все нормально, и с лавкой я пошутил... – Василичу было неудобно, что человек все его шутки воспринял всерьез. – Получилось ознакомиться хоть с одним делом?

– Одно посмотрел...

– Это хорошо! Ну давай, рассказывай.

– Так а чего там? Убийство во дворе одного из районов города...

– И все? – Петр был в шоке от услышанного.

– А что еще-то рассказывать?

– Значит так, доклад мне нужен развернутый, а то, что я сейчас услышал, даже не ответ первоклассника! Егор, если ты изучаешь дело, ты должен представить себя в роли каждого из участвующих в этом деле! – Будучи в бешенстве, но никак это не показывая этого, Василич стоял, упершись кулаками в стол. – Бери год, который тебе больше нравится.

– Тогда 2015 возьму.

– Вот и возьми, а вечером у тебя будет экзамен по этому делу! – Петр Васильевич отклеился от стола, разминая пальцы, и вышел из кабинета.

Глава 2

Школьник

– Петр Васильевич, ну я не знаю, как говорить...

– Опять одно и то же. – Василич сидел за своим столом, смотря в дело, и, будто экзаменатор, принимал изученный материал у своего ученика, пребывая в явном негодовании и хмурия брови. – Хорошо, давай действовать по-другому...

Наступила пауза, следовательно жестикулировал и, по-видимому, о чем-то размышлял, зажмуривая один глаз.

– Так, решено. Егор, ты будешь убийцей, будешь думать как убийца и начинать каждый рассказ дела с предыстории. Привлеку дополнительные материалы, послушай специалистов со стороны, чтоб в итоге твое дело было полным и законченным.

– Получится ли у меня такое?

– Я подскажу, если что-то будет не получаться. Приступай к подготовке дела и излагай текст ответа на бумаге, так будет более надежно.

– Попробую.

* * *

«Этот мальчишка лет шестнадцати мне давно не давал покоя, его избалованность и манера общения совершенно не укладывались в голове. Его родители – люди высших кругов, достаточно уважаемые, и как только появляются от них такие избалованные дети, нет, не то слово, точнее сказать – бракованные, так будет намного яснее. Я всегда выбирал один и тот же маршрут до работы, одно и то же время, и этот для меня больной ребенок, беспокоящий округу одного из дворов своим дерзким поведением – разбойными нападениями на проходящих мимо людей. Самое интересное, что его поступки замалчивались и нигде и ни на чем не отражались. Эта несправедливость задела и меня, когда я проходил тот самый двор и внезапно получил в лицо носком, наполненным чьими-то фекалиями. В тот момент испытал мгновенное желание стереть этого мальчишку из истории человечества, и это было схоже с жадой в жаркий день.

Я изучил техническое оснащение дворов на предмет наличия различной видеоаппаратуры, и, когда все было готово, решил дожидаться его в домике на детской площадке в вечернее время, когда он после своих утренних деяний шел на второй заход. Ждать пришлось достаточно долго, я курил и сжигал фильтры, чтоб не оставлять никаких следов, выкурил более 10 сигарет. Пустая детская площадка и общая безлюдность улицы слегка расслабляли. Дверь одного из подъездов открылась, издав характерный звук, и вышедший оттуда человек направился к кустам около соседнего дома, в его руках было что-то похожее на палку. Я продолжал сидеть в детском домике и смотреть, что на этот раз выдумает этот ужасный человек. Как я понял, что это он? Все банально: кто пойдет в темное время суток из дома в кусты, да еще и в одиночку, ну и то, что я его достаточно изучил, прежде чем с ним что-то сделать, давало мне преимущество.

Раздался звук, очень похожий на выстрел пневматического ружья, после чего прозвучал женский крик и стало ясно, что жертва издевки убегала. Мне помогли улицы, откуда доносился шум проезжающих машин, позволивший подкрасться прямо впритык к мальчишке. Он успел сделать еще выстрел, но пуля попала в стену дома, поскольку я щелкнул его в бок электрошокером, отчего его мотнуло в сторону. Дальше было как по сценарию: я вставил ему в рот тот самый носок (когда он прилетел в меня, я, решив сохранить его, убрал в пакет) и устроил парню небольшой допрос для понимания ситуации, после чего благополучно покончил с ним».

– Ого-го, вот это поворот, прошло-то всего несколько часов, а ты вон уже как готов, – восхищался Василич, покусывая нижнюю губу. – Так-то лучше.

– Я старался, – с гордостью ответил Егор, видя, что начальник его хвалит.

– Давай только детали обсудим... Вот смотри, ты пишешь, что убийца школьника перед преступлением подготовился и проверил дворы на наличие камер. – Василич смотрел четко в текст, не поднимая глаз. – Звучит так, будто это не первое его убийство...

– Просто в деле сказано, что камер не было, вот я так и написал.

– Так, поехали дальше. Где же тут я видел... А, вот. Парень кинул в убийцу носок с фекалиями, а убийца спустя какое-то время этот самый носок запихал ему в рот, с чего ты это взял? И, кстати, школьник – Паритонсков Ч. Х., это нужно указывать!

– Ладно, укажу. А с фекалиями все понятно, это кал убитого, но более старый, а это значит, что убитый этот кал бросил в убийцу, и тот, сохранив его, в дальнейшем накормил им школьника.

– Хрена логика... – Следователь чесал ногтем большого пальца переносицу между бровей, слегка выпучив глаза. – А ты не думаешь, что школьник это дерьмо притащил с собой и хотел что-то там с ним сделать?

– А смысл тогда убийце ляпаться в чьем-то дерьме, если он его просто нашел в снаряжении жертвы? Я вижу здесь прямую закономерность, месть, накопившееся раздражение, которое в итоге выплеснулось наружу.

– Ты пишешь, убийца, получив в лицо носком и далее подобрал его, убрал в пакет, так?

– Рядом с телом нашли пакет, в котором носок и принесли на место преступления, а следов школьника на нем нет!

– Хрена ты копнул, честно говоря, удивил меня... – Следователь был впечатлен тем, что его подопечный подошел к делу настолько серьезно. – Ты пишешь про сигареты, что их было десять, и что якобы убийца сжигал фильтры специально, как ты это понял?

– Судя по документации, рядом с местом преступления особых улик найдено не было, лишь сожженные фильтры от сигарет и веточка с обгорелым концом. Это значит, что убийца сидел в домике в ожидании жертвы, курил, а фильтры сжигал на той самой ветке. Таким никто не будет заниматься, молодежь бы просто намусорила, и дело с концом, а взрослое поколение сюда бы не полезло.

– Честно сказать, ты напоминаешь Шерлока Холмса, даже страшно становится, не ты ли тот самый убийца?

Василич поднял глаза на Егора в ожидании абсолютно любой реакции, и тот, проглотив слюну, ответил:

– Вы же сами сказали, нужно вжиться в роль убийцы. – Егор замолчал, смотря на Петра Васильевича.

– Ладно, пойдем курнем и продолжим... – ошарашенный Пироз ослабил давление и направился к выходу, держа в руке сигарету.

– Я не курю, вообще-то...

– Опа, ну я быстро тогда.

Василич шел по старому скрипучему коридору, прокручивая в пальцах сигарету, по пути ему попадались приветствовавшие его коллеги, но он привычно никого не замечал, утопая в своих мыслях. Выйдя на улицу, он обошел здание, позвонил матери и после этого закурил, все его тело словно замерло, а сам он смотрел в одну точку. Время шло, теплый ветер сочился через кованое ограждение, на которое и облокотился Пироз.

– До свидания!

– До свидания! Ой, Егор, ты куда?

– Домой.

– А-а-а... чего-то не понял... сколько времени-то?

– Шестой час, вы вышли покурить и пропали куда-то почти на час, что мне делать-то, я домой пошел...

– Ну и правильно, иди. – Василич махнул рукой в сторону Егора, а сам направился в здание. – Я завис чего-то, думаю о том о сем.

– Бывает.

* * *

Петр Васильевич зашел в кабинет, достал из сумки хлеб и палку колбасы, сделал себе бутерброды, вскипятил чайник и с превеликим удовольствием наслаждался первым за сегодняшний день приемом пищи. Клубы пара таяли в холодном воздухе кабинета, оставляя после себя терпкий аромат чая, и это в сочетании с запахом колбасы создавало атмосферу привокзальной закуской. Подобные минуты для Петра были значимыми, он по-настоящему кайфовал и мог выпить несколько кружек подряд. Когда прием пищи подошел к концу, он достал из нижнего ящика одеяло, вид которого явно давал понять, где находятся ноги, разместил его на лавке и улегся, укрывшись свисающим краем.

Прошло немного времени, и Пироз встал – ему срочно нужно было покурить. Покинув кабинет, он все так же неторопливо шел по длинному коридору до выхода, рядом с которым сидел дневальный.

– Петр Василич, – очнулся парень. – Я не думал, что вы тут.

– Расслабься, я ничего не видел.

Протирая глаза, дневальный продолжал оправдываться за сон на посту.

– Чего-то глаза прикрыл и даже не понял, что уснул...

– Мне неинтересно. – Следователь вышел на улицу, достал из пачки сигарету и, закурив, сел на ступень крыльца здания полиции. На улице было уже достаточно прохладно, пахло свежестью сенокоса от собранной в кучи и еще не досушенной травы. Докурив, Василич надел фильтр на ветку и поджег, а новую сигарету, уже приготовленную и вставленную в зубы, умело прикурил от сгорающего фильтра.

– Ой, хорошо-то как, людей нет, город отдыхает от них, тишина. – Следователь смотрел на перекресток, где два человека что-то выясняли, причем происходило это без криков. – Интересно...

– Наткнув второй фильтр на ветку и спалив его тем же способом, Пироз медленно встал и направился в зеленую зону, поросшую кустарником. Разглядывая оттуда молодых людей, он обнаружил, что у одного из них нож, которым он время от времени тыкает в другого человека и куда-то его направляет.

– Я вообще поражаюсь, люди ничего не боятся, прямо у нашего здания разборки затеяли!

Человек в капюшоне вел свою жертву во дворы, а следом за ними уже шел следователь, вооруженный только удостоверением.

– Давай, давай, двигай, – выдавив это сквозь зубы, злобно сказал человек.

– Отстаньте, прошу вас...

Понимая беспомощность жертвы, Василич решил действовать наперед и не дать им покинуть освещенную фонарями улицу.

– Друг, закурить не найдется? – крикнул он достаточно громко, чтоб наверняка привлечь внимание.

Человек в капюшоне повернулся:

– Не курю.

– Егор, ты, что ли?

– Я, а вы что тут делаете?

Жертва, освобожденная от внимания преследователя, бросилась бежать, и Егор нервно поглядывал в эту сторону.

– За тобой смотрю!

– Не понял?

– Ты давай, мне тут глазки не строй! Живо за мной в кабинет!

– Петр Васильевич, мы и так в кабинете, или я не понял опять вашей шутки?

Василич протер глаза, побил себя по щекам:

– Ой, прости, – никак все не мог прийти в себя он. – Прости! Сон дурной...

– Бывает, – боязливо ответил Егор, узнавая о новых странностях своего начальника.

Глава 3

Полицейский

Раздался телефонный звонок, когда Петр, присевший в углу, разминал свое тело перед дневной бегом.

– Аллю?!

– Петруха, найдено тело недалеко от нашего здания, ножевое, похоже, давай на выезд!

– Понял, иду... – Им овладела дикая растерянность, он смотрел на Егора, будто бы ожидая ответа.

– Так, Егорка. – Василич направил на него указательный палец. – А-а-а, хрен с ним, со мной не пойдешь, с тебя еще одно дело к вечеру, готовься!

Хлопнув дверью, он быстро ушел. На выходе сидел совершенно другой дневальный, не тот, кого он видел в недавнем сне.

– Слушай, скажи, кто вчера сидел на тумбе?

– Я сидел, а что?

– Сиди дальше!

Он шел быстрее обычного, и его не покидало чувство вины, которое возникло в момент телефонного разговора. Выйдя на улицу, он осмотрел крыльцо, которое, по всей видимости, было вымыто уборщицей.

– Так, во сне я сжег фильтр и бросил перед первой ступенькой, а еще один бросил ближе к кустам. – От осмотра территории его отвлекли голоса зевак, которые, словно пчелы, кружили над местом происшествия. – Ладно, потом посмотрю.

Только он ринулся бежать, как вдруг увидел тот самый обгорелый фильтр. Не растерявшись, Пироз обхватил его платком и, завернув, убрал в карман.

– Кто нашел? – Следователь задал вопрос сразу, как подошел.

– Петрух, вон та женщина, она показания дает...

Петр рванул к ней.

– Так, все, мужики, все свободны, дальше я продолжу!

– Здравствуйте. – Он быстро просмотрел, что записали его коллеги, не обращая внимания на ответное приветствие. – Екатерина, вы выгуливали собаку и наткнулись на тело, вы подумали, что человеку стало плохо, и пошевелили его.

– Да. – Она была ошарашена давлением следователя, который говорил с ней так, будто знает все то, что записали его коллеги.

– Петр Василич, смерть около двух часов ночи, ножевое, остальное по телефону.

Пироз слышал все происходящее вокруг, но не отвечал, продолжая работать со свидетелем. Его коллеги знали это, потому и не повторяли информацию.

– Екатерина, скажите вот что, вы еще кого-то видели?

– Нет, только я и моя собака были в это время на улице.

– Вы не знаете этого человека?

– Он очень похож на мужчину из соседнего подъезда...

– Мы это выясним, вот мой номер телефона, если вдруг что вспомните, позвоните, пожалуйста. – Следователь подошел к трупу. – Геннадич, в этом платке найдешь одну вещь, проведи анализ, давай только по-тихому, лично для меня.

– Как скажешь. – Криминалист Тимофей Геннадьевич, работающий бок о бок с Василичем, питал к нему глубокое уважение, несмотря на его характер.

Василич шел к зданию полиции, повторяя маршрут, который он проходил ночью во сне, они совпадали лишь частично, но его смущал один обгоревший фильтр. Подойдя к крыльцу, он предположил, что около него могли подметать, а мусор вовсе собрать. Пошарив около травы,

куда могли смести пыль и камушки, он увидел тот самый сгоревший фильтр. Петр испытал испуг.

– Я, чисто теоретически, тоже могу быть свидетелем или выступать в роли обвиняемого, сам уже запутался.

Добравшись до кабинета, он постоял у дверей, слушая, как за ними Егор готовится к сегодняшнему вечеру. Он так и не зашел, решив уточнить у дневального подробности ночного дежурства.

– Дай мне график дежурства по тумбе!

– Так он у начальника.

– Как вы дежурите, по суткам?

– Нет, по двенадцать часов...

– Кого менял сегодня?

– Лазина, а он Щепкина.

– Записи с камер есть?

– Есть, а вам какие нужны?

– За всю ночь! Давай, живее!

– Так нужно через начальника!

– Если я пойду к тебе через начальника, то ты завтра уже будешь улицы мести!

– Все такие борзые, я вообще поражаюсь, а вроде как за справедливость, за порядки... – открывая отснятое видео, ворчал дневальный.

– Давай шустрой, шевели пальцами...

– Ну вот, Лазин заступил, время девять часов вечера.

– Давай на перемотке по-быстрому посмотрим! На стуле качается, в телефон играет, кино смотрит, по телефону триндит... Опа, стоп! Это кто?

– Щепкин.

– Что он тут делает?

– А я-то откуда знаю?

– Звука нет?

– Нет, только видео.

– Лазин свалил куда-то? Куда, интересно? Так, время у нас час ночи...

– Видео дальше нет...

– Как нет?

– Я не знаю, надо программистов спрашивать.

– А это чего?

– Это уже с четырех часов съемка.

– На посту опять Лазин, странная схема... – Пироз почесал голову. – Ладно, хрен с вами, позже разберусь.

И, собравшись уходить, добавил:

– Это самое, номер мне его скинь, а лучше пусть сам мне позвонит, срочно!

Петр Василич вбежал в кабинет, где на него сразу посыпались вопросы от Егора, которые он даже не стал слушать, а просто резко сказал:

– Молчи, лучше молчи, и свали с моего места.

Согнав Егора, он уселся на стул, слегка развалившись и обдумывая сложившиеся обстоятельства: «Я курю пачку в день, каким бы он ни был, в кабинете в пепельнице у меня всегда семь окурков, и пока все совпадает, а под конец дня пустую пачку я выбрасываю в мусорное ведро под столом, в нем как раз она и лежит. Сегодня же я еще не курил вообще, а это значит, что пачку я не вскрывал». Он достал пачку и, рассматривая ее, продолжал размышлять про себя: «Пачка целая, значит, сигаретные фильтры не мои, но как так получается, понять не

могу? Я видел во сне фильтры, и я их нашел, фантастика какая-то...» Его отвлек и напугал звонок телефона.

– Кого там еще принесло... Аллю?

– Это Лазин Александр.

– Тебе все передали?

– Я сестру родную ездил встречать и попросил подменить меня, а что там было в момент моего отсутствия... – Повисла тишина с резким раскатом страха, – Вы хотите сказать, что я под подозрением? И как мне быть? Что делать-то теперь? Я, конечно, могу взять выписку звонков в такси и маршрут, а также выписку звонков сестры, там все четко отображено.

– Ко мне живо, и Щепкина с собой возьми, – Пироз бросил телефон на стол так, что тот перевернулся. – Черт-те что происходит... Ты подготовился?

Последняя реплика была адресована Егору.

– Не сказать, что хорошо, но, думаю, что все должно получиться... – Егор ответил с большей уверенностью, чем это было в первый раз.

– Тогда слушаю.

– Хорошо: «Он вечно превышает свои полномочия, он думает, что ему все позволено, все прощается, все разрешается, но меня эта несправедливость задела очень сильно, и все из-за того случая, когда полицейский был в отпуске. Этот представитель органов власти, будучи в нетрезвом состоянии две недели, слушал, не выключая, музыку на полную катушку, мешал абсолютно всем, а мы, простые смертные, терпели все это, подавая жалобы в различные инстанции, и ждали, что хоть кто-то откликнется и прекратит этот хаос. Никто не прекратил, и за дело взялся я: пришел к его квартире, постучал в дверь молотком и, дождавшись, когда бластной полицейский откроет дверь, вошел. Он махал пистолетом, но мне это было неинтересно, потому как я знал, что он все равно не выстрелит. Получив отменный электрический разряд в руку, он побежал на кухню, но, учитывая его состояние, я, даже не торопясь, легко догнал его и нанес удар молотком в область спины, отчего тот упал. Очевидно, он был в шоке и не понимал, как так получилось, что его, стоящего на одном уровне с богом, потревожили. Он перевернулся и посмотрел на меня, а я нанес два удара током в область ушей, отчего демон умер», – Егор с чувством произносил каждое слово своего рассказа. – Вот и все, я закончил.

– Интересно, вот честно скажу тебе, Егорка, я вижу все по-другому. – Следователь не договорил, в кабинет ворвались Лазин и Щепкин.

– Мы вам все расскажем, – Лазин пребывал в заспанном состоянии, но и при этом вел доклад о случившемся. – Я был на смене, потому как подмениться не смог, но парочку часиков мне был должен Щепкин, и я его попросил.

– Вы руководство как-то предупреждаете о таких подменах?

– Вы что, нет конечно, сразу кирдык.

– Что было дальше, когда пришел Щепкин?

– Так я пришел и спать лег, а вы как раз выходили на улицу... – протянул Щепкин низким басовитым голосом.

Глаза следователя округлились.

– Я выходил на улицу? Ты ничего не путаешь?

– Не путаю, вы вышли и стрельнули у меня две сигареты.

– И что было дальше? – Задавая вопросы, Пироз смотрел на Егора, который листал дело и оценивал обстановку в кабинете.

– Вы вышли на улицу и уселись на крыльце, а я с испугу позвонил Лазину и сказал, что вы были здесь и увидели меня спящим, а он в это время был на вокзале, там были слышны объявления об отправлениях поездов.

– Ну хорошо, а кто выключил видеокамеры?

– Проверка была, вот их и отключали на несколько часов, – сказал Егор.

Следователь оживился.

– А ты откуда знаешь?

– Вчера рассылку всем сделали, все были предупреждены!

– Такое ощущение, что я отсутствую где-то... – Пироз схватился за голову. – Блин, как же я устал.

– Петр Васильевич, нам что делать?

– Щепкин, расскажи полностью, что ты помнишь...

– Так это, как его там, я пришел, мы перекинулись парочкой слов, потом подъехало такси, и Лазин побежал, а я поудобнее разместился на стуле и задремал. Не знаю, сколько прошло времени, не смотрел на часы, но вы меня разбудили, сказали, что никому не расскажете, что видели меня спящим, потом взяли две сигареты и вышли на улицу. Я позвонил Лазину, а сам смотрел за вами, вы сели на крыльцо и закурили одну, а затем вторую сигарету. Когда докурили, вы пошли в сторону перекрестка, но только шли вы по лесному пятаку, как будто следите за кем-то. На перекрестке в это время стоял человек, он ушел дальше по улице, и вы пошли за ним.

– Человек на перекрестке был один?

– Да.

– Вы вернулись обратно довольный, а в ваших руках был нож, больше я ничего не разглядел.

– Я ничего не понимаю... – Следователь колотил кулаками по своей голове. – Недавно я думал, что поймал убийцу, а сейчас так получается, что убийца я, только одно странно: почему вы-то все молчите?

– Так а мы-то ничего не знаем.

– Говорили кому-нибудь?

– Нет.

– Давайте так, если это сделал я, я подойду к одному из вас и сдамся, дам показания, получите звезду.

– Ну ладно. – Он махал им рукой в сторону двери, но со стороны было больше похоже на то, что он собирался сказать «валите отсюда».

– Егор, хватит листать там, только пыль в воздухе поднимаешь, признайся честно, ты тот самый серийник?

– Ну я...

– Чего?

– Вы спросили, кто убийца? Я и ответил!

– Ты что, серьезно?

– Ну а что, прикольно же, вы ищите убийцу, а он тут, сидит у вас под боком!

– Так, хрень всякую несешь! Давай, садись рядышком, поехали по твоей писанине. – Петр Васильевич сидел в стандартной для него позе и смотрел в исписанный помощником листок, рукой прошупывая пепельницу с воткнутыми в нее окурками, пальцами прыгая по ним, как по пням. – С чего решил, что он всем надоел?

– Так проверил список жалоб на эту квартиру...

– Я-то не смотрел, а ты почему решил посмотреть?

– Это убийство очень похоже на то, о котором я вам вчера рассказывал, и мотив один и тот же.

– А какой ты видишь мотив?

– Вижу месть, месть по причине накопившейся злости, этакая желчь, медленно выходящая из-за несправедливости в людском обществе.

– Хм, интересное сравнение этих убийств с желчью. – Следователь задумался. – А политика справедлива?

– При чем тут политика?

– Многие люди винят во всем власть и политику: различные неувязки в жизни, ну и сам уровень жизни, ты тоже такого мнения?

– Я не обращаю внимания на политику и не вникаю, считаю, каждый сам строитель своей жизни, а политика так, что-то там где-то там...

– Ясно. Ну так сколько жалоб было? Я, честно, не смотрел...

– Жалоб было около пятисот штук!

– Хрена. Так это за его отпуск?

– Нет, за весь период его жизни в этой квартире, то есть за три года.

– Во дела, как-то прикрывали это все. – Следователь настолько глубоко не копал никогда, он просто искал виновных, и дело с концом. – Ты пишешь, что убийца пришел и ударил по двери молотком, потом вошел и ударил самого потерпевшего, как ты это понял, и почему убийцу никто не видел?

– Я смотрел фото, на которых четко изображены вмятины от молотка, никто не обратил внимания, потому что люди привыкли, как бы это жестоко ни звучало, к такому шуму настолько, что даже не обратили внимания на какие-то там посторонние звуки-стуки. Далее погибший открыл дверь, валявшийся в коридоре пистолет и ожоги от электрошока говорят о том, что он наставил на жертву пистолет, тут же его потерял от удара электричеством и в панике ринулся убежать. Но и это у него не особо получилось, убийца догнал его и ударил молотком, что доказывают раны в области спины. Далее он заставил жертву «послушать музыку», приставив электрошокер к ушам.

– Жестокий убийца, ну, или с какой стороны посмотреть...

– Я не стал указывать, но на лестничной клетке сделано фото, на котором четко видны обгоревшие фильтры...

– Не акцентировал на этом внимание, так и сколько там их. – Василич даже привстал со стула.

– Так вроде как десять.

– Ого, я не рассмотрел это фото, потому как не видел в нем ничего необычного. – Следователь ходил по комнате и бил кулаком в раскрытую ладонь. – Так, так, так!

Пироз повернулся в сторону Егора и, глядя в глаза, спросил:

– Почему ты назвал его демоном?

– А кто он, после его действий для людей этого дома наступило спокойствие. Мне кажется, я ответил на ваш вопрос... – Егор стоял, по-деловому держа руки на поясе.

– Егор, свободен на сегодня, можешь идти домой.

Почти что выгнав из кабинета своего помощника, Петр Василич продолжил размышлять, словно пробираясь через какие-то заросли, разводя руками и глядя на уходящего напарника,

– Он назвал его демоном, потому как после смерти или его ухода из этого мира наступила тишина, спокойствие, причем не только для него, но и для окружающих. Интересное сравнение... – Пироз замолчал. Он сидел на стуле, закинув ноги на стол, уткнувшись остекленевшим взглядом в висевшую на стене грамоту.

Ветреная сырая погода наступившего вечера разбудила застывшего в своих размышлениях следователя стуком поломанных веток дерева, склонившегося к окну. Листва лизала стекло, будто пытаясь отмыть осевшую с годами пыль города, изредка раздавалась автоматная очередь капель, бьющихся о ржавый погнутый козырек под окном. Серость комнаты следователя, несмотря на свет, издаваемый лампочкой на изогнутом проводе, наводила тоску не только на тех, кто находился внутри, но и на тех, кто видел это окно с улицы: окно напоминало своим видом что-то заброшенное, но почему-то с освещением.

– Пить, хочу пить... – Петр вскочил, изнемогая от жажды, схватил чайник и опрокинул его в рот, проливая часть на рубашку, тут же отряхнулся и наконец наполнил водой свой стакан с отколотым краем. – Хорошо-то как.

Петр еще немного постоял и отправился на свою лавку с любимым одеялом, согревающим тело. Разместившись поудобнее, он закрыл глаза, представляя в голове ночное путешествие, то самое, которое по непонятным причинам казалось для него сном. Он лежал, слушая корябание веток по стеклу, но мысль, пришедшая ему в голову, словно подъемный кран подняла его с кровати:

– Мне нужно покурить, и моей пачки уже нет, она смята и лежит в мусорке под столом, и в пепельнице ровно то количество окурков, которое я обычно оставляю. – Пересчитав их указательным пальцем, он убедился в правильности своих подсчетов. – Получается, что той ночью я то же самое сделал, что и сейчас.

Петр стоял у стола, почесывая виски.

– Что-то не так, я никогда не курю у здания полиции и уж тем более на самом крыльце, моя стандартная курилка – это машина и мой кабинет.

Походив по кабинету, Василич уселся на свой стул, укрылся одеялом и уснул. Наступившее утро радовало солнцем, Василич потянулся, лежа на своей привычной для ночевки лавке...

– Стоп, блин, я уселся на стул. – Его голос испуганно, словно от холода, дрожал, а волосы встали дыбом. – Где мой телефон?

Проверяя все возможные места, куда он мог его швырнуть, он нервно твердил:

– Психушку, похоже, нужно вызывать, или застрелиться прямо тут, чтоб никого не мучать... – Добыв телефон, он начал рыться в списке контактов.

– Петр Василич, можно? – Голова Егора вынырнула из-за приоткрывшейся двери.

– Егор, заходи! Скажи мне, я что сумасшедший?

– Вроде нет, а что вы так спрашиваете?

– Да так... Делай следующее дело, я пока уеду, – Пироз вышел из кабинета, достав пачку сигарет из кармана. – Я в окне не отражался!

Остановившись в коридоре, он закурил, сладко потягиваясь и размышляя: «Ночью темно, горит в комнате свет, но я, смотря в окно, не видел себя в отражении». Он быстро вернулся назад.

– Егор, иди сюда! – Василич стоял на том месте, на котором был и во сне. – Чего видишь?

– В окне, что ли?

– Ну да, да... что ты там видишь?

– Так, ветки дерева, листья, соответственно, ну, краску, слезшую с окна...

– Что еще? Ну!

– Нас с вами вижу, и сам кабинет.

– Во-о-от, – протянул Василич. – А если на улице темно, мы будем четче видны или хуже?

– Думаю, четче, потому как на улице темно...

– Молодец, Егорка!

– Вам только это от меня было нужно?! – Сбежавший из кабинета Василич так и не ответил на вопрос Егора. – Может и на самом деле он слегка чокнутый?

Время близилось к полудню, жар солнца проникал всюду, отчего старая иномарка Пироза, стоя в уличной пробке, пребывала в предзакипающем состоянии, а внутри закипал от жары и сам следователь. Прокручивая мысли и находясь где-то очень далеко от реальности, но все так же двигаясь в нужном направлении, он слушал мелодию телефонного звонка, которая повторилась уже несколько раз. Он переключил печку на горячий воздух, добавив обдув на полную мощность, – это было сделано для уменьшения температуры двигателя. Покрываясь

капельками пота, Петр уложил голову на стойку между дверьми, наблюдая за транспортным потоком. Раздавшийся сзади гудок привел его чувства в порядок.

– Что еще там?

– Эй, урод, подвинь свое ведро в сторону! – Крики, доносившиеся с явной злостью, напомнили о его общении с пострадавшим, находившимся в больнице и по сей день.

– Куда я тебе двинусь? – высунувшись в дверную форточку, спросил следователь, одновременно рыская рукой по карманам в поисках своей ксивы. – Хрена джип у них, блин, где же мои документы, на столе, что ли, оставил? Хм-м-м, вот как получается, меня тут раздавить хотят, и я сразу защиту ищу в виде документа, а людей простых, которые не могут за себя постоять, просто-напросто отбрасывают в сторону. От таких, значит, хочет зачистить город наш Робин Гуд.

– Три, два, тебе хана! – Рванувшийся вперед джип притер своими мощными колесами заднюю часть сбоку. – Еще хочешь?

Испуганные люди, ехавшие в этом же направлении, опешив от такой наглости, жались в стороны, лишь бы пропустить этого ненормального вперед. Следователь почувствовал себя очень некомфортно, очень униженно, отчасти поняв, что хочет убийца, и легкость или, может быть, даже интерес в совершении данного деяния. Но только освободить весь мир от этих тварей нереально, и оно, то самое существо, что толкает тебя к чувству превосходства над другими, может присутствовать в каждом, но только не у всех выходит наружу.

Пироз вышел из машины, рискуя попасть под злосчастный автомобиль, достал табельный пистолет и разрядил всю обойму в колеса...

Глава 4

Продавец

Он скрытный, он тихий, он не выдает никакой информации о себе, но таинство желания истерзать животных на заднем дворе своего частного дома процветает в нем, и, словно глоток энергетического зелья, это действие нужно ему, чтобы избежать упадка сил. Я не раз замечал его, того самого продавца хозтоваров, он отлавливал бездомных собак, но я бы и не подумал ничего плохого, если бы не проходящие мимо женщины, которые обмолвились между собой, что он убивает их. Конечно, в момент ловли он и был больше похож на безумца какого-то, но чтоб поймать и тащить к себе во двор, это бред.

Проследив за ним однажды, я не заметил ничего подозрительного – продавец зашел с собакой на территорию дома с высоким забором. Долго я стоять не мог, потому как боялся засветиться, поэтому отвел пса и вернулся вновь, но уже с камерой. Установить я ее смог на достаточно высокое дерево подальше от места пребывания продавца.

Камера работала неделю, и отснятый материал я просмотрел несколько раз – там творился суший ад, это что-то с чем-то – жуть, одним словом. Быстро собравшись, я, переодетый в полицейскую форму, пришел в его дом, и как только за мной закрылась калитка двухметрового забора, моя рука нажала на курок электрошока. Упав, он потерял сознание, и я оттащил его на место казни собак, тут же привел в чувство и сделал с ним все то же самое, что он творил с собаками...

– Егор, скажи честно, это ты убийца? – ощупывая свой подбородок, задал тот же вопрос следователь.

– Ну, как бы да... – с некой растерянностью ответил Егор.

– Ты так рассказываешь, что я даже вижу тебя гуляющим с собакой и выглядывающим того самого живодера... У тебя собака-то есть?

– Нет, я не очень люблю домашнюю живность...

– Понятно. – Следователь, держа перед собой записи помощника и дело, пробежал взглядом по строчкам, подбирая новые вопросы.

– Ага, Петр Васильевич, вы на месте... Егор, иди погуляй, чаю попей, пирожок съешь... – Вошедшее руководство явно было не в духе. – Ты что, мать твою, делаешь? Почувствовал себя властелином колец, что ли? Я твою задницу прикрывать не буду, несмотря на твое положение и статус лучшего следователя! Может, мы все будем пушками махать? Ну ты меня поразил... Хорошо, что ты мне вчера не попался, разорвал бы!

Крики было слышно эхом по всему этажу, и они проваливались даже этажом ниже.

– Я хотел понять, что чувствует серийный убийца, именно наш, с электрошокером который...

– Ты... Да я тебя... Сука! Стрелок, мать его! – Он замахнулся кулаком, и в этом жесте чувствовалось отчаяние, потому что подобная выволочка ожидала и самого начальника от вышестоящего. – На сутки в отстойник! Оружие сдать!

– Илья Владимирович, я не могу, у меня дел куча!

– Мне плевать, понял! Сам не пойдешь, насильно посадят на неделю, а там видно будет... Давай, шуруй.

Петр Васильевич взял Егоркины записи и дело по продавцу, сдал оружие, значок и заодно и шнурки, что было больше для привлечения внимания сделано. Зайдя в отстойник, он улегся на койку, повернулся к стене.

– Егора позови, пусть придет, а я пока отдохну... Попусту не беспокой.

– Василич, ты чего с катушек-то слетел?

– Не беспокой меня! Твоя работа сторожить, вот и сторожи меня, а то вдруг сбегу...

Егор, прохлаждающийся на воздухе, ходил вдоль здания, держа руки в карманах брюк, пока свист и машущий рукой, зовущий к себе человек не привлекли его внимание.

– Чего?

– Там тебя Пироз зовет, его закрыли.

– В смысле закрыли?

– Посадили его на сутки, может, больше...

– Ого, вот это новость! – Удивление Егора не сходило с его лица до самого отстойника, в котором и отдыхал Василич.

– Петр Васильевич, вы чего... Как вы тут... За что?

– А-а-а-а, не волнуйся Егорка, прорвемся! – он говорил достаточно весело, ухватив сквозь решетку помощника за плечо. – Значит так, ты теперь главный, все так же продолжай заниматься делами, если что-то надо, приходи, у меня телефона нет, звонить не на что.

– Ну... Ну ладно...

– Блин, пока тут то-се, я и забыл совсем, может, ответишь мне на вопросы, которые я подготовил по делу?

– Отвечу, почему бы и нет.

– Ты говоришь, он отлавливал собак, а где это сказано?

– Так заявления были о краже, прямо из парка привязанных собак крали, также несколько граждан обращались с жалобами на то, что у них на глазах мужчина поймал собаку удавкой и оттащил в автомобиль.

– Убийца видел то же самое, что и те люди?

– Видели еще одного мужчину с собакой, он сфоткал уезжающий автомобиль продавца, в котором была бездомная собака. Потом по номеру автомобиля убийца пробил владельца и место жительства, ну а далее как по сценарию...

– Хрена ты выкладываешь, у меня аж мурашки по коже, как только представлю тебя убийцей... Ну да ладно, с чего ты взял, что убийца фоткал автомобиль жертвы?

– Так там приложение к делу в опроснике, люди утверждают, что человек тащил собаку, которая извивалась как могла, с хрипом и пеной изо рта, и что был еще один человек с собакой, который все это снял.

– Это бред, Егор! Каждый снимающий потом убивает, хочешь сказать?

– Нет конечно, просто люди-то дали описание и тому продавцу, и тому с собакой, а потом уже того с собакой я увидел на видео с убийствами этих собак!

– Не понял.

– Ну вот, смотрите, – Егор тыкал в дело, а именно в описание человека с собакой, который фотографировал машину. – Видите, как он одет?! И на том видео, которое нам впоследствии досталось, ну точнее, вам досталось, там тот же человек, он периодически прогуливается у того самого дома с той самой собакой, с которой его видели люди в парке.

– Я как-то не акцентировал внимание на проходящих около дома продавца людях.

– Самое интересное, что это тот же человек, который убил полицейского...

– Опа, а это как ты понял?

– По полицейской форме, которая принадлежала убитому полицейскому, а также я опросил жильцов дома, бабушку из квартиры напротив, так вот, она с трудом, но все же вспомнила, как был одет человек, постучавший в дверь молотком, и одет он был как тот самый человек с собакой в парке.

– Удивляешь меня, зачем-то бумаги перекладывал, мог бы дела раскрывать не хуже меня. Засмуцавшийся Егор пожал плечами, а потом добавил:

– Убийца форму скинул у убитого в доме, и затем, надев его вещи, покинул место преступления.

– Красиво разложил все, по полочкам! Только скажи мне теперь, кто такой убийца?

– Так я-то откуда знаю?!

– Нет, ты не понял, составь портрет, дай ему описание.

– Вот вы знаете, я вижу его тихим борцом за справедливость, но только не за справедливость, выставленную на всеобщее обозрение, а за справедливость своего внутреннего мира, может быть даже такую, которую ему привили с детства. Он ее пытается соблюдать, создает некое равновесие своего окружения, где на сторону добра зло может заходить аккуратно, и ни в коем случае не чувствовать себя превыше всего... Ну а если демонизм вылезает наружу, этот человек его умирят...

– Вот ты закручиваешь, тебе бы сказки сочинять... – Петр махнул Егору. – Иди, молодец!

Егор, получив похвалу от своего кабинетного начальника, был на седьмом небе от счастья, он словно нашел смысл своего пребывания на этом свете, его походка напоминала танец, и шел он в кабинет, где он теперь был главным, пусть и не на долгий срок.

– Ох, мой кабинетушка. – Сжав кулак, он тряс его, словно наши забили гол в ворота противника. – Так, где тут колбаска Василича? А, вот она...

Отрезав хлеба и колбасы, он сложил бутерброд, щелкнувшая кнопка чайника предупредила, что вода вскипела и можно наливать чай.

В кабинете Пироза царила та самая привокзальная романтика, когда ты хочешь быстро съесть бутерброд, выпить из пластикового стаканчика обжигающий пальцы чай и успеть на поезд, но на поезд Егор так и не успел.

– Ничего себе ты устроился, как на курорте! – Вошедший Василич говорил и переодевался очень быстро, а вот его помощник не мог даже моргнуть, стремительно бледнея. – Все не ешь, мне оставь, и чай разбавь, я горячий не люблю быстро пить... Если хочешь, себе налей, только давай быстрее, Лазин все, так сказать, труп, и Щепкин пропал, а теперь ешь и выезжаем!

Глава 5

Коллеги

- Что скажешь, Егор?
 - А что тут скажешь... Страшно очень.
 - А убийце не страшно, он убивает на автомате, поставил цель, и вперед.
 - Не могу понять, их-то за что?
 - Это мы и должны выяснить... Осмотрись, сделай подробные записи и не забудь заснять!
 - Вы что, уходите?
 - Егор, не отвлекайся, поскольку я доверил тебе ответственную работу. А за меня не переживай, я найду чем заняться...
 - Понял... – Егор смотрел на Василича, пытающегося выдернуть из носа мешающий ему, видимо, волос. – Вас называют «Пироз».
 - Что говоришь, – Все-таки освободив нос от назойливого волоса, он повернулся к помощнику. – Не расслышал...
 - «Пироз», вас так называют, почему? Мне лично не понятно. Ходят байки, что вы дотошный и словно изжога пристаает к подозреваемому.
 - Это ложь, я обычный, и это прозвище получил, скорее всего, тогда, когда вел дело убитого врача-гастроэнтеролога, оно до сих пор не раскрыто, зато прозвище заработал.
 - Петр Василич, а...
 - Егор, тебя не смущает, что мы разговариваем у двух трупов? Давай, иди собирай материал!
- Егор точно не знал, с чего начать, но, уже изучив несколько дел, примерно представлял, как и что. Достав ручку с бумагой, он принялся описывать все то, что видел: «На месте преступления обнаружены тела двух полицейских. Тело Лазина расположено в закрытом небольшом помещении, в то время как тело Щепкина находится под лестничной клеткой в подвальном помещении. По всей видимости, полицейские пришли сюда с какой-то целью, которая пока не ясна. Их еще никто не трогал, они лежат в том виде, в котором, скорее всего, и умерли. Щепкин, по всей видимости, пытался скрыться, но его состояние не позволяло ему передвигаться быстро, что-то мешало».
- Егор надел на руку перчатку и аккуратным движением отогнул ворот свитера, в который был одет Лазин, и записал: «Следов удушья нет, также нигде не видать и следов крови».
- Нашел что-нибудь? – Голос Василича напугал помощника.
 - Ой... напугался... Они чистые.
 - То есть? Их вымыли?
 - Нет, я про то, что не видно крови... Их или отравили, или каким-то тупым предметом...
 - Или шокером долбанули...
 - Э-э-э, я и не подумал про шокер.
 - Эх, Егорка, это следы одного и того же человека, разве ты не видишь?
 - Нет, не вижу, тут совершенно другое убийство, нежели те, которые я разбираю.
 - Это пустые слова, которые ничем не подбиты. – Василич развел руками, смотря по сторонам в ожидании более достойного ответа.
 - А что вы хотите, вот так стоите, и как пугало на ветру вертитесь... – Слегка взбешенный Егор ответил довольно резко.
 - Я хочу? Я ничего не хочу! Можешь идти отсюда, обиженный мальчик. Смотри не заплачь только, или уже плачешь, мне просто не видно?
 - Хватит, вы мне надоели, и вообще, вам не мешало бы провериться у врача, потому как вы больной!

- Давай, давай, вали все на меня, вини меня в своих каких-то там неудачах.
- Каких неудачах?
- Ну я-то откуда знаю, вот ты мне и расскажи, обиженный мальчик.
- Я не... Не...
- Молчи, а то раньше времени мне все скажешь, и будет не так интересно...
- Что вы несете?
- Егор, хватит! Ты сделал свою работу?
- Нет еще...
- Делай живей, трупы долго лежать не будут, их сейчас уже увезут.
- Хорошо...

«На теле Лазина видимых повреждений нет, ротовая полость слегка приоткрыта, и в ней что-то...»

- Ого, там бумага! – Обернувшись назад, он прокричал: – Василич!

Но Василич ходил ниже и осматривал тело Щепкина.

– Что у него в ротовой полости делает бумага? – рукой в перчатке Егор раскрыл шире рот полицейского, параллельно фиксируя все, что происходит, на фотоаппарат, достал скомканный листок бумаги и бережно убрал в файл для анализа. – Как все противно, жуть.

Гримасы Егора менялись с каждой секундой.

– А что тут с запястьями? Словно на руки... Так это же, скорее всего, была пластиковая стяжка или хомут. Получается, что ему связали руки, а потом в рот запихали скомканную бумагу?! Ну так он мог дышать носом... – Егор повернул голову, чтоб посмотреть носовые пути. – Хрена, тут затрамбовали ему целый нос бумаги...

Жестокость, которую представил помощник в тот момент, сильно шокировала его, он так и сел на лестничную клетку.

- Это капец.

Егор бежал вниз по лестнице к своему начальнику.

– Петр Васильевич, это не тот убийца! Это кто-то другой сделал! У Лазина все дыхательные пути были забиты бумагой, он тупо задохнулся... А руки были связаны стяжкой пластиковой, и она отпечаталась на запястье.

- Я понял, понял, не кричи и успокойся...

- У Щепкина чего?

– Тут полный трюндец... Его, похоже, пытались убить тем же способом, что и Лазина, вот только он дал отпор и попытался выжить. Судя по следам, оставшимся на теле, ему тоже пытались забить нос бумагой, но Щепкин сопротивлялся и не давался, и тот острый предмет, которым осуществляли трамбовку, прошел сквозь нос и попал в бровь. Дальше ему удалось вырваться, и он побежал, но кровь, заливающая один глаз, мешала обзору, отчего он скользнул по ступеням и неплохо так приложился головой об пол, о чем свидетельствует смазанная рана на затылке. Он пытался ползти, но делать это быстро ему мешали связанные руки, в итоге он заполз под лестницу. Ну а тот, кто его догонял, он сам не хотел убивать и выпустил голодных крыс, позволив им насытиться вдоволь.

– Вы так коротко и ясно мне все пояснили, я даже в воображении нарисовал картину всего случившегося.

– Егор, я тебе говорю о фактах, которые лежат в открытом доступе... Так, значит, смотри сюда. Мы пришли с тобой со стороны центрального входа, на полу была пыль, следов не было, следовательно, все, кто тут был, зашли через другой вход с задней стороны здания.

- Так.

– Когда я осмотрел этот вход, он тоже оказался запыленным. Получается, люди попадали сюда через проверенный временем маршрут. Вот пока ты изучал тело Лазина, я прошел по тропам, натоптанным людьми, которые посещают это место, так вот, оказывается, они сюда

попадали через подвал, где я также нашел телефон, с которого пришла смс на имя руководства с фотографией мертвого Лазина.

– А зачем было кому-то посылать сообщение, зачем эта демонстрация?

– Видимо, кто-то хочет показать свою работу... – Василич замолчал. – Егорка, слушай, медики наши когда приедут?

– Где-то на подъезде, а что?

– Мне нужно проверить мочу на наличие в ней наркотических примесей...

– Не понял чего-то я... – Егор не успевал за мыслями Василича, потому как темы сменялись одна за другой, только вроде разговаривали про мертвых полицейских, как уже началась тема наркотиков.

– Они барыги!

– Кто?

– Лазин и Щепкин.

– Как это барыги?

– Все просто, они не курят, а в тот день я стрельнул сигарету у Щепкина, а какие могут быть сигареты у некурящих? Их быть не может! Он тогда дал мне сигареты из распечатанной пачки. Я бы с него и не спросил сигареты, если бы пачка не лежала на столе.

– Вон медики.

Петр Васильевич наполнил пластиковый стаканчик бледно-желтой жидкостью. Его желание быстрее узнать, что же с ним было в тот больше похожий на бред вечер, превышало все мыслимые пределы.

– Геннадич, я поссал, замерь мочу на содержание наркоты... – Петр требовательно протянул стаканчик только подъехавшим криминалистам, обращаясь к Тимофею Геннадьевичу.

– С трупа сцедил, или Егор надудил? – с некой издевкой спросил криминалист, которому не особо понравился жест.

– Мозги мне не делай, окунай свой лакмус, мне нужен результат.

– Вот уважаю тебя, Петруха, но бывает нет-нет, да удивишь! Ты думаешь, у меня тут от батона до ган... Ой, бог с тобой, ставь свой стакан на подоконник, сейчас поищу... – Криминалист так сказал только для того, чтобы тот перестал свой стакан назойливо тыкать ему в глаза.

Петр, развернувшись, ушел к Щепкину вместе с Егором, чтоб дополнить картину случившегося.

– Ну, Петруха, вот кадр! Всегда меня удивлял, у него все просто, быстро, – копаясь перед своей группой в ящике в поисках заветной «бумажки», как ее называл Василич, бубнил под нос Геннадич. – Бабу себе лучше бы нашел, а то что это такое, на работе живет, на работе женат, молодость уже прошла... Эх, так и сдохнешь с этими трупами... Тебе видней...

«Пришли жертвы сюда добровольно, а уже после произошел конфликт, который имел серьезные последствия. Получается следующее: жертвы не могли оказать отпор либо по причине того, что преступников было больше, либо потому, что жертвы пришли сюда по одному...»

– Петр, в моче содержатся следы наркотических веществ, если хочешь развернутый ответ, то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.